
А20 6/195

ПОКОЙНЫЙ ГРАФЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БЛУДОВЪ.

Ты другъ и братъ пѣвцу Людмилы,
Ты другомъ былъ Карамзина.

Князь Вяземскій.

19 февраля 1864 г., скончался въ С.-Петербургѣ, на 79 году отъ рожденія, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ, президентъ Императорской Академіи Наукъ, кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ.

Графъ Блудовъ родился 5 апрѣля 1785 года. Отецъ его, принадлежавшій къ древнему, но не богатому роду, скончался, оставивъ сына, еще малолѣтняго, на попеченіе его матери, которая, живя въ Москвѣ, заботилась всѣми силами дать сыну наилучшее домашнее воспитаніе.

Д. Н. Блудовъ, будучи еще 15-лѣтнимъ отрокомъ, уже находился на службѣ въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и потомъ продолжалъ ее по дипломатической части до послѣднихъ годовъ царствованія Александра I. Онъ былъ дипломатическимъ чиновникомъ въ Молдавской арміи, при графѣ Каменскомъ, находился при нашихъ миссіяхъ, въ Голландіи, при дворѣ короля Лудовика Бонапарте, въ Швеціи,въ царствованіе Карла XIII,—и наконецъ былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. По восшествіи на престолъ Императора Николая I, Блудовъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ, товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и управлялъ почти независимо департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, принадлежавшимъ тогда къ этому вѣдомству. Въ 1831 году онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто вышедшаго тогда въ отставку графа А. А. Закревскаго. По кончинѣ Сперанскаго, въ началѣ 1839 года, Д. В. Дашковъ заступилъ его мѣсто по управленію II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а Блудовъ замѣстилъ послѣдняго въ должности министра юстиціи, которую и занималъ около года. Въ концѣ 1839 года, послѣ смерти Дашкова, Блудовъ, сдавъ управленіе министерствомъ юстиціи графу В. Н. Панину, принялъ на себя управленіе II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Онъ былъ уже съ 1832 года членомъ государственнаго совѣта и съ 1839 года предсѣдателемъ департамента законовъ, а потомъ нерѣдко предсѣдательствовалъ временно и въ общемъ собраніи совѣта. Въ началѣ 1861 года, по кончинѣ князя А. Ѳ. Орлова, Блудовъ назначенъ былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, а управленіе II Отдѣленіемъ перешло отъ него къ барону М. А. Корфу. Въ этой должности оставался графъ Блудовъ до самой своей кончины. Изъ безчисленныхъ важныхъ порученій всякаго рода, которыя были возлагаемы на него особеннымъ довѣріемъ двухъ госуда-

рей, упомянемъ здѣсь только о посольствѣ его въ Римѣ, для заключенія съ папою конкордата 22 іюля (3 августа) 1847 года, и о назначеніи его въ 1855 году президентомъ Академіи Наукъ, на мѣсто покойнаго графа С. С. Уварова.

Таковы были главные моменты служебной карьеры графа Блудова. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была столь разнообразна и касалась стольких предметовъ первостепенной государственной важности, что оцѣнка ея есть достояніе исторіи. Только для того чтобы прослѣдить ее фактически, на первый разъ нужна уже довольно обширная монографія, которую конечно не замедлитъ составить кто-либо изъ многочисленныхъ дѣятелей, бывшихъ свидѣтелями и участниками его трудовъ. Конечно, и теперь появятся, хотя краткія, характеристики его какъ государственнаго дѣятеля. Не такова скромная цѣль настоящей статьи, которая есть не болѣе, какъ сердечная дань, воздаваемая мною, по чувству уваженія и признательности къ покойному, какъ человѣку, сдѣлавшему много добра ближнимъ, какъ другу просвѣщенія и литературы, отъ занятія которыми никогда не отвлекалъ его водоворотъ государственныхъ дѣлъ.

Графъ Блудовъ былъ дорогъ намъ, какъ живое преданіе о времени, когда наука и литература, не распространенныя какъ нынѣ поверхностно тонкимъ слоемъ по обширной части общества, сосредоточивались въ небольшомъ кругѣ, котораго уровень былъ за то несравненно выше, а стремленія чище и возвышеннѣе теперешняго. Онъ принадлежалъ самъ къ лучшимъ представителямъ этой эпохи. Мы видѣли въ немъ образецъ этого прошедшаго. Благодаря его сообщительности и живости его воспоминаній, не умерли эти добрыя преданія, которыя прерывались повсюду, гдѣ потомки не прицѣплялись къ немногимъ уцѣлѣвшимъ звеньямъ преемственной цѣпи, связующей умственную жизнь слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній. Благодаря вліянію его и отчасти немногихъ уцѣлѣвшихъ людей его времени и его круга, творенія и событія давнопрошедшаго стали для нѣкоторыхъ изъ насъ не мертвою буквой, какою были они для людей, воспитанныхъ внѣ этой живительной сферы, учившихся говорить на новомъ языкѣ, создавшемся вчера, мыслить на какихъ-то импровизированныхъ основаніяхъ, произвольно созидаемыхъ сегодня, и случайно замѣняемыхъ завтра другими, столь же шаткими и эфемерными, причемъ немыслимо никакое правильное развитіе, никакое разумное просвѣщеніе. Сама судьба и первыя обстоятельства жизни Блудова способствовали тому, чтобы природный умъ и дарованія его прониклись преемственнымъ духомъ движенія русской мысли и развивались на почвѣ твердой, хорошо воздѣланной, не мѣшающей, но напротивъ благопріятствующей проявленію истинной своеобразности ума. Родственникъ Державина и Озерова, съ молодыхъ лѣтъ снискавшій дружбу Карамзина, а черезъ него и Дмитріева, сверстникъ, первый любимѣйшій другъ нѣжной души Жуковскаго, окруженный дружбою Дашкова, Уварова, Батюшкова и всей этой фаланги лучшихъ людей своего времени, изъ числа которыхъ отдѣлилось извѣстное общество, носившее имя „Арзамаса", Блудовъ смолоду былъ родной всѣмъ интересамъ литературнымъ и научнымъ. Не принимая непосредственнаго, осязательнаго для насъ участія въ литературномъ движеніи того времени, онъ игралъ въ немъ одну изъ самыхъ вліятельныхъ ролей, благодаря авторитету, которымъ онъ пользовался по многостороннему образованію, критической способности, авторскому мастерству и необыкновенной живости и остротѣ ума. Ему завѣщалъ Карамзинъ продолженіе своего безсмертнаго труда. Онъ былъ издателемъ 12 тома его „Исторіи" (1829) и посмертныхъ твореній Жуковскаго (1857). Обширныя связи пріязни, пріобрѣтенныя имъ въ свѣтѣ и во время путешествій, украшаются именами всего что было лучшаго въ обществѣ не только русскомъ, но и европейскомъ, начиная съ изгнанной въ Швецію г-жи Сталь, до современныхъ намъ дѣятелей, какъ Барантъ и пр. Никакія вліянія, никакія колебанія въ историческомъ ходѣ судебъ нашего отечества не могли бы заставить его измѣнить дѣлу просвѣщенія, когда обстоятельства не благопріятствовали этому дѣлу. Посреди такихъ обстоятельствъ, онъ иногда удалялся и мол-

чалъ, но не принималъ солидарности съ ними, и ему никогда не предложили бы дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ; а это уже было много. Роль графа Блудова въ этомъ отношеніи была не только блистательна, но и благотворна. Найдется ли хоть одинъ трудолюбивый ученый, одинъ даровитый писатель, имѣвшій нужду въ его покровительствѣ, который могъ бы сказать, что обратился къ нему напрасно, не встрѣтилъ въ немъ привѣта, участія, готовности ходатайствовать, помочь въ чемъ только возможно. Не знаки служебнаго отличія, не память объ его высокомъ санѣ служатъ лучшимъ украшеніемъ его свѣжей могилы, а воспоминаніе о томъ, что среди этихъ отличій, на высотѣ земныхъ почестей, онъ употреблялъ даваемое ими вліяніе на то, чтобы дѣлать добро людямъ, служащимъ дѣлу просвѣщенія дорогаго ему отечества, и протягивалъ руку помощи страждущимъ и нуждающимся.

Мало найдется въ мірѣ государственныхъ сановниковъ, которые, достигнувъ высшихъ степеней, не измѣнились бы ни въ какомъ отношеніи, подобно покойному графу Блудову. Я помню его съ тѣхъ поръ, какъ помню себя. Семейства наши издавна находились въ искренней пріязни. Я посѣщалъ домъ его съ дѣтства: бывалъ часто въ старину и въ скромномъ домѣ его на Владимірской, и на дачѣ его въ Павловскѣ, гдѣ такъ усердно веселились, а потомъ въ огромныхъ министерскихъ залахъ, гдѣ онъ помѣщался. Никогда, ни въ чемъ не измѣнялся ни образъ его жизни, ни характеръ его пріемовъ. Роскоши и блеска не прибавлялось въ его домѣ. Онъ находилъ удовольствіе не въ вызолоченныхъ швейцарахъ, не въ галунныхъ ливреяхъ, не въ хитрой мебели и богатомъ убранствѣ своего жилища, а въ людяхъ, которые его любили и у него веселились спектаклями и другими изящными забавами, руководимыми вкусомъ и умомъ. Онъ жилъ не для чванства, а для семьи, для друзей, которымъ былъ всегда вѣренъ, для умственныхъ наслажденій, для исполненія того, что считалъ своею обязанностію, какъ истинный христіанинъ, какимъ онъ и былъ на дѣлѣ. Кто изъ знавшихъ его не цѣнилъ его неизмѣнную любезность, его доброжелательство, его поучительную бесѣду? Удивительная память и обширная начитанность, а также личное участіе его въ важныхъ событіяхъ и возможность знать многіе факты исторіи особенно XVIII и XIX вѣка дѣлали его неисчерпаемымъ источникомъ любопытнѣйшихъ свѣдѣній, которыми онъ охотно дѣлился съ тѣми, кого любилъ или кому довѣрялъ. Графъ Блудовъ не дѣлалъ различія по чинамъ, богатству и другимъ подобнымъ соображеніямъ, а смотрѣлъ только на умъ и достоинства душевныя. Бесѣдуя съ нимъ, никто не вспоминалъ, что находился въ присутствіи перваго сановника въ государствѣ. Всякій знавшій его искренно уважалъ его рѣдкія качества, и если вспоминалъ объ его высокомъ положеніи, то развѣ для того только, чтобъ еще болѣе почтить человѣка, который умѣлъ сохраниться такимъ среди всѣхъ обольщеній знатности и власти.

Я кончилъ свое прощальное слово графу Блудову, съ которымъ разстался въ концѣ минувшей осени, предвидя уже близкую кончину его. Могу прибавить только то, что знавъ его коротко, я увѣренъ, что справедливые отзывы именно о тѣхъ достоинствахъ его, о которыхъ я говорилъ, были бы ему самому, вѣроятно, сочувственнѣе всякихъ другихъ: онъ былъ прежде всего *человѣкъ*, а потомъ уже сановникъ.

МИХАИЛЪ ЛОНГИНОВЪ.

21-го февраля 1864.
Москва.

валъ; онъ не принималъ солидарности съ ними, и ему никогда не предложили бы дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ; а это тоже было нѣчто. Роль графа Блудова въ этомъ отношеніи была не только блистательна, но и благотворна. Найдется ли хоть одинъ трудолюбивый ученый, одинъ даровитый писатель, имѣвшій нужду въ его покровительствѣ, который могъ бы сказать, что обратился къ нему напрасно, не встрѣтилъ въ немъ привѣта, участія, готовности ходатайствовать, помощь въ чемъ только возможно. Не знаки служебнаго отличія, не память объ его высокомъ санѣ служатъ лучшимъ украшеніемъ его свѣжей могилы, а воспоминаніе о томъ, что среди этихъ отличій, на высотѣ земныхъ почестей, онъ употреблялъ даваемое ими вліяніе на то, чтобы дѣлать добро людямъ, служившимъ дѣлу просвѣщенія дорогаго ему отечества, и протягивалъ руку помощи страждущимъ и нуждающимся. Мало найдется въ мірѣ государственныхъ сановниковъ, которые, достигнувъ высшихъ степеней, не измѣнились бы ни въ какомъ отношеніи, подобно покойному графу Блудову. Я помню его съ тѣхъ поръ, какъ помню себя. Семейства наши издавна находились въ искренней пріязни. Я посѣщалъ домъ его съ дѣтства: бывалъ часто въ старину и въ скромномъ домѣ его на Владимірской, и на дачѣ его въ Павловскѣ, гдѣ такъ усердно веселились, а потомъ въ огромныхъ министерскихъ залахъ, гдѣ онъ помѣщался. Никогда, ни въ чемъ не измѣнялся ни образъ его жизни, ни характеръ его пріемовъ. Роскоши и блеска не прибавлялось въ его домѣ. Онъ находилъ удовольствіе не въ вызолоченныхъ шифоньерахъ, не въ [illegible] ширмахъ, не въ хитрой мебели и богатомъ убранствѣ своего жилища, а въ людяхъ, которые его любили и у по-

ло весельемъ, спектаклями и другими невинными забавами, руководимыми вкусомъ и умомъ. Онъ жилъ не для тщеславія, а для семьи, для друзей, которымъ былъ всегда вѣренъ, для умственныхъ наслажденій, для исполненія того, что считалъ своею обязанностію, какъ истинный христіанинъ, какимъ онъ и былъ на дѣлѣ. Кто изъ знавшихъ его не цѣнилъ его же изящную любезность, его доброжелательство, его поучительную бесѣду? Удивительная память и обширная начитанность, а также личное участіе его въ важныхъ событіяхъ и возможность знать многіе факты исторіи особенно XVIII и XIX вѣковъ дѣлали его неисчерпаемымъ источникомъ любопытнѣйшихъ свѣдѣній, которыми онъ охотно дѣлился съ тѣми, кого любилъ или кому довѣрялъ. Графъ Блудовъ не дѣлалъ различія по чинамъ, богатству и другимъ подобнымъ соображеніямъ, а смотрѣлъ только на умъ и достоинства душевныя. Бесѣдуя съ нимъ, никто не вспоминалъ, что находился въ присутствіи перваго сановника въ государствѣ. Всякій знавшій его искренно уважалъ его рѣдкія качества, и если вспоминалъ объ его высокомъ положеніи, то развѣ для того только, чтобъ еще болѣе почтить человѣка, который умѣлъ сохраниться такимъ среди всѣхъ обольщеній знатности и власти.

Я кончилъ свое прощальное слово графу Блудову, съ которымъ разстался въ концѣ минувшей осени, предвидя уже близкую кончину его. Могу прибавить только то, что знавъ его коротко, я увѣренъ, что справедливые отзывы именно о тѣхъ достоинствахъ его, о которыхъ я говорилъ, были бы ему самому пріятнѣе, сочувственнѣе всякихъ другихъ: онъ былъ прежде всего человѣкъ, а потому уже сановникъ.

МИХАИЛЪ ЛОНГИНОВЪ.

21-го февраля 1864.
Москва.

